

1987; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1975).

Некоторые аспекты социального развития Горного Алтая, накануне и в годы Великой Отечественной войны, рассмотрены в диссертации А.А. Иркитовой (Иркитова А.А. Экономика Ойротской автономной области накануне в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). М., 1997) В рамках исследования экономического развития Ойротской области в 1941–1945 гг., автор дает картину жизни основных социальных групп населения, показывая переживаемые трудности, их самоотверженный труд.

Таким образом, по своему объему, кругу затронутых вопросов, глубине исследований по истории войны исследования различны. Одни из них исследовательского плана, другие научно-популярного характера. Не смотря на то, что историки проделали большую работу, осталось еще много белых пятен в освещении истории Горного Алтая периода Великой Отечественной войны.

М.Г. СТЕПАНОВ

ОЦЕНКИ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ КРЕСТЬЯНСТВА ПЕРИОДА НАСИЛЬСТВЕННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1929–1933 гг.): КРАТКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В современном российском законодательстве под «политическими репрессиями» признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшиеся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами (Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428).

Насильственная коллективизация в СССР, и как следствие «ликвидация кулачества как класса», «раскулачивание» стали первым «пробным камнем» в осуществлении массовых репрессий на основе политического признака периода сталинской диктатуры.

В современной исторической науке можно выделить ряд подходов в процессе анализа рассматриваемой проблемы.

Первый подход получил отражение в работах Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, который сводится к оценке репрессий в отношении крестьянства как нарушения ленинских принципов строительства социализма, злоупотребление властью (Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. С. 77).

Подобного же взгляда придерживается и омский историк В.М. Самосудов, квалифицирующий сталинские репрессии в деревне как «принципиальную и трагическую ошибку» (Самосудов В.М. Насильственная коллективизация и противодействие крестьянства сталинскому термидору. Омск: Б.и., 1991. С. 11).

Представителем второго подхода является В.В. Алексеев, который рассматривает антикрестьянские репрессии как неотъемлемый элемент сталинской модернизации, принявшей революционные масштабы (Алексеев В.В. Судьба России в XX веке // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 11).

Л.В. Алексеева считает, что политику «раскулачивания» можно рассматривать как составную часть «сталинской модернизации, которая позволяла быстро предоставить дешевую рабочую силу для северных районов» (Алексеева Л.В. Северо-западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского педагогического института, 2002. С. 193).

В.Я. Шашков полагает, что правовым беспредел и насилие по отношению к крестьянству были вписаны в сталинское социалистическое переустройство деревни. Кроме того, по мнению автора, репрессированные кулацкие семьи должны были стать дешевой рабочей силой в осуществлении индустриализации, создании новых промышленных центров (Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в северный край. 1930–1933 годы // Отечественная история. 1996. №1. С. 150–151). Вместе с тем, следует констатировать, что В.Я. Шашков находит и положительное последствие рассматриваемой политики: «Спецпереселенцы внесли значительный вклад в развитие почти всех отраслей промышленности и сельского хозяйства Северного края» (Там же. С. 154).

Представители третьего подхода в современной отечественной историографии характеризуют сталинскую репрессивную политику в деревне как процесс «раскрестьянивания».

Так, по мнению Н.А. Ивницкого принудительная коллективизация означала вместе с тем, и коренной рубеж в раскрестьянивании деревни. Крестьянин из мелкого или среднего собственника-производителя фактически превратился в крепостного работника советского государства: он был отчужден от орудий и средств производства, лишен права распоряжаться результатами своего труда (Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. С. 258).

Сибирский историк-аграрник Н.Я. Гуцин отмечает, что политика «раскулачивания» переросла в Сибири, как и во всей стране в политику раскрестьянивания (Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 131). Далее автор выделил отрицательные социально-экономические и демографические последствия, к которым привели массовые репрессии на селе в 1929–1933 гг.: «Произошло резкое падение сельскохозяйственного производства: экономические позиции наиболее предприимчивых, зажиточных крестьян были разрушены, других слоев крестьянства — подорваны, скоропалительно, в большей мере принудительно созданные колхозы (как и совхозы) в основной своей массе были слабыми, не способными заменить производство индивидуального хозяйства. Валовой сбор зерна в 1932 г. по сравнению с 1928 г. сократился в Сибири примерно на четверть, поголовье скота было истреблено более чем наполовину. «Раскулачивание» — эта была насильственная, глубоко антигуманная акция по «ликвидации потенциальных врагов» режима и получению почти даровой «рабсилы» для разработки природных богатств в труднодоступной местности и создания заводов-гигантов, крупных лесозаготовительных и горнодобывающих предприятий и сети железнодорожных и автомобильных дорог. Об этом свидетельствует вся трагическая история организации выселения крестьян, объявленных кулаками, хозяйствами и бытового устройства спецпереселенцев, регламентация их трудовой деятельности и жизнеобеспечения и нравственное унижение» (Там же. С. 136).

С.А. Красильников в монографии «Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг.» предлагает в качестве базовой категории использовать понятие «раскрестьянивание», поскольку то, что традиционно именовалось «ликвидацией кулачества», «раскулачиванием» являлось ничем иным, как самой острой и драматической стадией принудительного раскрестьянивания. Далее исследователь конкретизирует: «В ходе «Великого перелома» крестьянство в целом утратило экономическую самостоятельность и независимость от государства, а подвергшиеся депортации — личные права и свободы» (Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2003. С. 9).

И.В. Павлова обращает внимание на то, что с «коллективизацией» начался стремительный процесс раскрестьянивания, отчуждения колхозников от процесса и результатов своего труда (Павлова И.В. Роберт Эйхе — известный деятель коммунистической партии, один из активных строителей сталинского социализма // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 77).

А.В. Азаров считает основным последствием репрессий в отношении крестьянства стала трансформация массового сознания крестьянства, культивирование таких особенностей общественного поведения, как эгоизм, жестокость, безразличие к бедам односельчан. Автор дела-

ет вывод о том, что вековые традиции коллективизма русской крестьянской общины разрушались и заменялись подозрительностью, скрытностью и завистью к достатку и благополучию (Азаров А.В. Эволюция массового сознания сибирского крестьянства в условиях коллективизации начала 30-х годов // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции посвященной 120-летию Томского государственного университета / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. Т. 3. С. 55).

Четвертый подход фокусирует процесс репрессий в деревне на проблеме экономической «ликвидации кулачества как класса».

К примеру, О.Л. Шашкова пишет, что результатом проведения жестких мероприятий репрессий стала практически полная ликвидация класса мелких независимых сельскохозяйственных производителей (Шашкова О.Л. Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и ее последствия (на материалах Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. С. 23).

В пятом подходе репрессии против крестьянства рассматриваются как санкционированная государством политика геноцида целого класса.

По мнению А.В. Бакунина насильственная коллективизация это главное преступление сформировавшегося тоталитарного режима в СССР против самого многочисленного трудящегося класса — крестьянства, которое нужно квалифицировать как геноцид (Бакунин А.В. История Советского тоталитаризма. Екатеринбург: Б.и., 1997. Кн. 2. Апогей. С. 81).

Похожей установки придерживается и И.Е. Зеленин, определяющий репрессивную политику против крестьян как, «установку на истребление, в том числе и физическое» (Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 35).

Представители шестого подхода приводят аргументы, подтверждающие факт перерастания «раскулачивания» в «жестокую войну против крестьянства, начатую сталинским режимом» (Исаев В.И. Наказаны без вины // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 63).

Таким образом, не смотря на определенную поляризацию взглядов на проблему, современные отечественные исследователи квалифицируют политику «ликвидации кулачества как класса» в СССР как репрессивную, носящую противоправный характер.

О.Н. ШУЛБАЕВ

ОСВЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МТС ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1931–1941 гг. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История становления и развития МТС в Восточной Сибири всегда являлась и в настоящее время является важной составной частью аграр-